

Е. А. Сундукова, Ойконимия севера Удмуртии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск 2011. 445 с.

29 июня 2011 г. на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при Удмуртском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Евгении Александровны Сундуковой «Ойконимия севера Удмуртии». Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета, научный руководитель — доктор филологических наук профессор В. К. Кельмаков. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола), кандидат филологических наук Л. Е. Кириллова (Ижевск).

Современная удмуртская ономастическая наука нацелена прежде всего на освоение неразработанных областей онимического пространства, к которым относится ойконимия северной Удмуртии (Балезинский, Глазовский, Дебесский, Игринский, Кезский и Ярский районы). Она занимает верхнекамскую часть Восточно-Европейской равнины, незаметно переходящей в Западное Приуралье.

Уже в эпоху мезолита в бассейне р. Чепцы зафиксированы охотничье-рыболовные племена. С течением времени она штрихуется не раз, отмечая осколочные элементы отдельных этносов, занесенных либо колонизационными, либо другими волнами. Однако установить точное количество селений в ранний период истории на территории северной Удмуртии невозможно. Особое место в определении количества селений занимают данные административно-территориального деления Республики Удмуртия советского периода.

В настоящее время в шести указанных районах северной Удмуртии числится 634 населенных пункта. В 1929 г. в пяти из них (данные Игринского района отсутствуют) числилось 1229 селений. За прошедшие 82 года

в северной Удмуртии исчезло 595 населенных пунктов, поэтому актуально изучение наименований физико-географических объектов сельской местности. Они в какой-то мере отражают диалектные черты и являются ценным материалом для изучения истории удмуртского языка, его лексических и фонетических особенностей.

Работа состоит из введения (с. 5—53), основной части, включающей три главы (с. 54—285), заключения (с. 286—300), библиографического списка (с. 301—330), перечня словарей и источников исследования (с. 331—336), условных сокращений (с. 337—341) и 11 приложений (с. 342—445). Список использованной литературы содержит 317 наименований.

Е. А. Сундукова постаралась дать достаточно полную библиографическую запись использованных источников. Однако некоторые из этих записей имеют недочеты в технике составления сведений о выходных данных, в способах сокращения слов (напр., дис. (с. 301) и дисс. (с. 307)). Не всегда указано издательство, иногда отсутствует место издания. Встречаются и иные погрешности — опущены номера томов, не приведены полностью названия выпусков и т. п.

Рецензируемая работа снабжена восемью картами: карта путешествия Д. Г. Мессершмидта (1726 г.) по землям северных удмуртов (по В. В. Напольских) (с. 342); карта исследуемой территории (с. 344); а также карты Балезинского (с. 345); Глазовского (с. 346); Дебесского (с. 347); Игринского, Кезского и Ярского (с. 350) районов Удмуртской Республики. Карта, по выражению известного географа Н. Н. Баранского, особый второй язык географии, без которого она не может обойтись. Перефразируя слова Н. Н. Баранского, можно сказать, что карта — это второй язык топономастики, без которого она не может обойтись.

Бесспорный интерес для ономастов представляют списки неофициальных и официальных ойконимов севера Удмуртии, приведенные в приложениях (с. 351—445). Они нужны для исследования элементов структуры ойконимов и сравнения их с семантической апеллятивностью в основе географических названий, а также для изучения финно-угорской словообразовательной модели в ойконимии и координации работы по составлению финно-угорского ономастического атласа и ономастических этимологических словарей.

Композиция работы подчинена решению поставленной цели — комплексному описанию ойконимии севера Удмуртии. Основное внимание уделено списку официальных и народных названий населенных пунктов севера Удмуртии по состоянию на 2011 год с учетом исключенных из административно-территориального устройства деревень; характеристике географических и историко-этнических условий, в которых складывалась ойконимическая система севера Удмуртии; определению роли и места апеллятивной лексики в номинации селений; исследованию лексико-семантических групп ойконимов с учетом мотивации названий географических объектов; выявлению географической и культурно-исторической информации в названиях селений; характеристике основных структурных типов и моделей; сопоставлению результатов исследования с топонимическими данными других регионов (с. 7).

Теоретической и методологической основой работы стали труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные общим и частным вопросам топонимии.

Автор использовала методы компаративистики и сопоставительно-типологической лингвистики, а также элементы описательного, этимологического, формантного и структурно-словообразовательного анализов. Для большей наглядности и достоверности привлекались инвентаризация ойконимов, картографирование и квантитативный анализ (с. 8).

Свои изыскания Е. А. Сундукова проводила на добротных полевых материалах, собранных ею в 2003—2008 гг. в районах северной Удмуртии, а также на фольклорных и диалектологических материалах, собранных студентами факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета. Картотека полевого материала насчитывает 1448 названий населенных пунктов севера Удмуртии. Кроме того, привлечены статистические сборники разных лет изданий, словари, памятники письменности удмуртского языка и тематические справочники (с. 8).

Возникает несколько вопросов: все ли названия объясняются материалами удмуртского языка? Если не все, то сколько ойконимов относится к разряду заимствованных? Кроме русского языка, средствами каких языков объяснимо смысловое содержание ойконимов? Имеют ли изоглоссы на территории Среднего Поволжья апеллятивы, которые легли в основу ойконимов?

Во введении (с. 5—53) отмечаются актуальность темы, объект, предмет, цель и задачи исследования; интерпретируются использованные лингвистические методы и приемы, описываются источники работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость. Здесь же дается физико-географическая и историко-этническая характеристика северной Удмуртии; описывается административно-территориальное деление региона со ссылками на материалы переписки 1615 г., письменные источники и другие данные. Введение завершает раздел «История изучения ойконимии севера Удмуртии» (с. 30—53). Е. А. Сундукова, делит эту историю, напрямую связанную с историей изучения топонимии в целом, на три периода: I период (XVI—XVI вв. — 90-е годы XIX в.); II период (конец XIX в. — начало 60-х годов XX в.); III период (II половина XX в. до наших дней) (с. 30).

Глава 1 «Апеллятивная лексика в ойконимии севера Удмуртии» (с. 54—119) состоит из двух разделов: I. Апел-

лятивы, имеющие непосредственное отношение к поселениям (8 единиц) (с. 59—76) и II. Аpellятивы, имеющие опосредованное отношение к поселениям (78 единиц) (с. 76—113).

В первом разделе этимологизируются ойконимические аpellятивы, их продуктивность иллюстрируется количеством селений, в номинации которых участвует тот или иной аpellятив. Лексико-семантический ряд нарицательных слов, обозначающих тип селения, выглядит следующим образом: 1) *гурт* 'деревня', 2) *починка* ~ *пöчинка* ~ *пос'ин'ка* 'починок', 3) *кар* 'городище, укрепленная крепость', 'город, центр (уезда, губернии)', 4) *гу'чин* 'селище (место, где раньше было селение)', 5) *вужгурт* букв. 'старая деревня', 6) *выл'гурт* ~ *вил'гурт* ~ *вьл'гурт* (букв. 'новая деревня'), 7) *погоста* ~ *повоста* < рус. *погост* 'небольшое селение, сельцо, деревенька, хутор, заезжий постоялый двор, находящийся на дороге, вне селения', 8) *кутор* < рус. *хутор* 'одинокая крестьянская усадьба с земельным наделом в сельской местности; выселки, маленькое селение, жители которого нередко связаны родственными отношениями'. Отсутствует аpellятив село — чем это обусловлено?

Во втором разделе рассматриваются гидрографические, орографические аpellятивы; объясняются нарицательные слова, связанные с землепользованием и обработкой земли, лексические единицы, обозначающие лесные участки, объекты хозяйственного назначения; слова, указывающие на местоположение объектов, и метафорические аpellятивы.

Что касается удмуртского аpellятива *шур* 'река', имеющего генетические связи с коми лексемой *шор* 'ручей, поток', и приводимых для сравнения эст. *saar* и фин. *saari* 'остров' (с. 76—77), то пермские гидролексеммы не имеют этимологических связей с прибалтийско-финскими словами и характеризуются как гетерогенные омонимы.

Нарицательное *чэткэр* 'гора, возвышенность', как отмечает Е. А. Сундукова, удмуртские топонимисты пы-

таются генетически сблизить с марийским антропонимом *Чоткар* (с. 92), ср. имя фольклорного героя *Чоткара Патыра*. Заманчива для такого сближения, видимо, схожесть внешнего звукового облика. Однако реальные возможности этимологизации в данном случае состоят в поисках субстратных отложений в топонимии Урало-Поволжья. Слово *чэткэр* является, скорее всего, сложным лексическим элементом субстратного происхождения, состоящим из двух компонентов *чэт* и *кэр*.

Предположение С. А. Максимова о проникновении слова *сурд* 'березняк, лес, роща' в прапермский язык из языка булгар, ср. чув. *сáрт* 'холм, возвышенность, небольшая гора' (с. 97) сомнительно. Оно противоречит высказываниям чувашского лексиколога Н. И. Егорова, отметившего, что тюркоязычные булгары, сложившиеся в этническом и лингвистическом отношениях в условиях степного кочевого образа жизни, не имели собственной лексики, детально характеризующей лесной образ жизни (Н. И. Егоров, Чувакская диалектология и этимология. — Теория и практика этимологических исследований, Москва 1985, с. 60).

Если обратиться к данным исторической фонетики, то оказывается, что праудм. **o* в современных диалектах представлено гласным *y* и ре же *o*, в коми языке ему регулярно соответствует *o* (В. К. Кельмаков, К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке. — СФУ XIV 1978, с. 20). Поэтому неслучайно на месте праудм. **сord* 'лес' выступает позднейшая модификация *сурд*, пополнившая к тому же свою семантическую структуру новыми значениями. Следует полагать, что удм. *сурд* имеет генетические связи с коми *сord*, *с'ord* 'лес'.

Результаты анализа нарицательных слов в названиях селений северной Удмуртии даны в конце главы как под рубрика «Выводы к Главе I» (с. 114—119). Автор отмечает, что наиболее распространены следующие аpellятивы: *гурт* 'деревня' — 163, *шур* 'ре-

ка' — 106, *починка* ~ *пöчинка* ~ *пос'ин'ка* 'починок' — 51, *луд* 'поле' — 32, *мувыр* ~ *мовыр* 'возвышенное место' — 21, *вай* 'исток, рассоха; ветвь', 'ответвление; приток реки, ручей' — 20, *кар* 'городище, укрепленная крепость', 'город' — 12, *йаг* 'сосновый бор' — 12 (с. 119).

Глава 2 «Лексико-семантическая классификация ойконимов севера Удмуртии» (с. 120—254) состоит из пяти разделов и пяти подразделов. Топонимический материал Е. А. Сундукова делит на четыре лексико-семантические группы: 1) ойконимы, образованные от нарицательной лексики; 2) ойконимы, образованные от собственных имен; 3) локативные ойконимы; 4) ойконимы — посвящения (с. 123).

Названия первой группы (228 ойконимов — 15,75 %) автор подразделяет на две подгруппы: 1) отражающие физико-географические особенности местности, флору и фауну (151 название — 10,43%) (с. 124—144); 2) отражающие хозяйственную деятельность человека, его быт, общественные отношения (77 названий — 5,32%) (с. 144—154).

Анализируя этноойконимы, автор работы выделяет в отдельную группу названия населенных пунктов, имеющие в составе лексему *пор*, которая употребляется со значением 'мариец'. При этом она уточняет, что на исследуемой территории при возникновении деревень с названиями на *пор* марицзы не проживали (с. 153). В этой связи заслуживает внимания тот факт, что одна из фратрий обских угров называется *пор*. Однако вопрос о наличии или отсутствии генетических связей мари с фратрией обских угров пор никем не ставился. По мансийским преданиям, род *пор* является не чисто мансийским, а смешанным с ханты. Возникновение указанных названий (*Пор-кар*, *Пор-ни*, *Пор-шурь*), вероятно, относится к тому времени, когда предки обских угров жили на территории северной Удмуртии.

Названия второй группы (1007 названий — 69,54 %) подразделяются на три подгруппы: 1) антропонимные ойконимы (584 названия — 40,33 %) (с.

155—178); 2) отворшудные ойконимы (35 названий — 2,42 %) (с. 178—183); 3) вторичные ойконимы (388 названий — 26,79 %) (с. 183—224).

Названия третьей группы именуются локативными ойконимами (107 названий — 7,38 %) (с. 224—241). Они имеют в своем составе лексемы с пространственным значением: *вуко/бэр* (*Вукобер*, *вуко* 'мельница', *бэр* 'за, место, за чем-либо', букв. 'за мельницей', т. е. деревня, расположенная за мельницей), *кйа/с'эр* (*Квасер*, *кйа* 'святимище', *с'эр* 'зад, место за чем-либо', букв. 'за святилищем', т. е. деревня, расположенная за святилищем) (с. 224).

В четвертую группу помещены ойконимы — посвящения (20 названий — 1,38 %) (с. 240—241) типа *выл/с'урэс* (Новый Путь) — старое название с. *Короли*; *побэда* (Победа).

Пятую группу составляют ойконимы, этимология которых недостаточно расшифрована (86 названий — 5,95 %) (с. 242—245). Как следует понимать недостаточно расшифрованные названия? У них не выяснена семантика праформы или не определена их языковая принадлежность?

Глава 3 «Структурная классификация ойконимов севера Удмуртии» (с. 255—285) посвящена актуальной, но недостаточно разработанной в удмуртском языкознании проблеме.

Е. А. Сундукова предлагает обратить внимание на ойконимы типа *гöйэ/выр//починка* (Александрово) и *бигра/гурт//починка* (Дизьмино): хотя атрибут их состоит из двух самостоятельных слов, в составе ойконима они рассматриваются как простые образования. Е. А. Сундукова приходит к выводу, что к делению на простые и сложные ойконимы следует в каждом отдельном случае подходить дифференцированно. Однако надо при этом отметить, что такой подход к словообразовательному анализу топонимов вносит большую путаницу в изучение особенностей образования географических названий от существующих в языке лексических единиц.

Характеризуя приемы исследования финскими топонимистами струк-

турных типов географических названий, Е. А. Сундукова отмечает, что их классификация ориентирована на природу топонима и опирается на синтаксическое взаимоотношение между его частями в рамках единого названия топообъекта, т. е. ориентируется на реальный взгляд, на позицию имядателя (с. 255).

Российские топонимисты свою классификацию ориентируют как на внешний облик, так и на внутреннюю структуру топонима. Она направлена на анализ синтетического взаимоотношения, сущность которого в том, что грамматическое значение названия выражается в самой именной основе композиты при помощи топоформантов или формообразующих аффиксов. Причем ойконим-компози́ту нельзя рассматривать как простую сумму двух или трех слов. Смысловое содержание вновь образованного названия более емко, нежели значение отдельных компонентов. В таких случаях количество как бы дает новое семантическое качество. Все ойконимы севера Удмуртии по количеству компонентов Е. А. Сундукова делит на простые (односоставные), сложные, состоящие из двух или более элементов, и эллиптированные (с. 257). Простые ойконимы (977 названий — 67,47 %) (с. 257—269), образуются путем трансоиминизации как апеллятива, так и имени собственного без специальных топонимических формантов (с. 257). Сложные ойконимы (440 названий — 30,39 %) состоят из двух или более элементов, тесно связанных между собой (с. 269—279). Эллиптированные ойконимы (31 название — 2,14 %) (с. 279%) в ойконимической системе северной Удмуртии составляют малую долю географических названий. Е. А. Сундуко-

ва права, когда утверждает, что если детерминант ойконима мало употребляется или же именуется единственный на определенной территории объект, возможен эллипсис атрибута: *пöчинка < вор / пöчинка ~ гор / пöчинка ~ вёр / пöчинка (Верхняя Богатырка); починка < пайа / починка (Выселок Кушья)* (с. 279). Структурные типы ойконимов с числовыми показателями и процентными соотношениями даны в таблице (с. 282).

Следует отметить, что Е. А. Сундуковой поставлены и решены важные вопросы удмуртской ономастики, нацеленные на сбор и систематизацию названий населенных пунктов севера Удмуртии, их лексико-семантический и структурно-типологический анализ.

Исследование обширного материала позволило автору сделать ряд тонких наблюдений, демонстрирующих соответствие и несоответствие апеллятивов-детерминантов описываемой реалии, выявить семантические группы апеллятивов и объяснить их происхождение, определить своеобразие ойконимии исследуемой территории на фоне наименований, относящихся к различным языкам и регионам, выявить универсалии, характерные для многих ойконимических систем. Они, несомненно, будут использованы при изучении ойконимических систем как финно-угорских, так и русского народов.

Теоретические положения и иллюстрационный материал работы послужат опорой при составлении учебников «Удмуртская ономастика», «Современный удмуртский язык. Лексикология», «Финно-угорская ономастика», «Типовые финно-угорские топоосновы. Словообразовательный анализ», «Топонимический словарь Удмуртии».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address

Anatolij Kuklin
Mari State University
E-mail: ifu@marsu.ru